

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ (на примере народов Сибири)

И. Е. Максимова

In the paper, the author raises the problem with respect to a topical character of the available knowledge in natural sciences gained by traditional societies, as well as need in that kind of knowledge by modern science. Basing on ethnographic materials of the peoples of Siberia, the author substantiates the necessity of a new approach to the investigations in the fields of Shamanism, folk-medicine and ethnoecology.

...Наука... стала походить на огромный сад, в разных углах которого трудятся группы людей — каждая на своих делянках. В сад приходят все новые и новые работники, он разрастается, и вместе с тем делянки становятся все меньше и меньше. Каждый садовод льнет к своему собственному кусту и исследует его до последнего листочка. Однако, ползая по своему клочку земли, он теряет возможность увидеть и понять то, что делают его соседи, не говоря уже о том, чтобы обозреть весь сад.

А. Азимов

...Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом...
Гете

Традиционное мировоззрение — одна из самых привлекательных и многообещающих тем в этнологии, представляющая широкие возможности для научного поиска. Отличительная черта этого мировоззрения — нерасчлененность науки и мифа («мифа и логоса»), яркая мифопоэтическая образность мышления. В зависимости от исследовательских целей это целое принято делить на составляющие (анимизм — тотемизм — фетишизм, дошаманские — шаманские представления, религия — полезные знания и т. д.). Однако любые «измы», помогая решить частную задачу, лишь обедняют единую и стройную мировоззренческую систему. Миф и наука преследуют общую цель — объяснение окружающего мира с позиций имеющегося знания, и если какие-то выводы не вполне соответствуют современным представлениям о проблеме, то это прежде всего отражает неизбежный этап развития познания: например, теория эфира, которая долгое время господствовала в физике, оказалась заблуждением, хотя в настоящее время наблюдается возврат к этой идее на другом качественном уровне. Эта нерасчлененность мировосприятия имела множество плюсов, и она позволяла создавать всеохватывающие концепции взаимодействия человека и природы, доступные всем членам данного сообщества. Современное образованному человеку крайне сложно «увидеть за деревьями лес», за отдельными научными дисциплинами — природу как целое, отсюда — катастрофическое невежество в вопросах экологии со всеми вытекающими последствиями. Философия, призванная решать задачу создания мировоззренческой системы на уровне современного знания, говорит на столь сложном языке, что не только делает ее недоступной рядовому члену общества, но и вызывает отчуждение; экология, основанная пока еще в большей мере на эмоциональном восприятии происходящего с окружающей средой, не имеет прежде всего мировоззренческой основы, которую заменяет, в общем-то, правильный лозунг «Природу нужно беречь».

Выраженное мифопоэтическим языком восприятие мира, присущее в различных вариантах всем традиционным обществам, при переводе на язык конкретных современных наук оказывается вполне состоятельным. В качестве примера можно привести концепцию трех душ, составляющую основу анимизма: одна душа присуща всему существующему (как сам признак существования в этом мире), две — тому, что обладает способностью к движению, третья придает способность говорить (т. е. равноценна способности мыслить). При этом абсолютно неживой природы нет, даже то, что обладает одной душой, уже способно на некие реакции. Горы — это живая природа, так как они растут; растения, животные и люди — существа одного порядка, поскольку обладают способностью общаться. При всем несовпадении этой классификации природы с принятой сейчас, нельзя игнорировать результаты современных исследований, в частности в ботанике, показывающие, что растения действительно реагируют на музыку (т. е. волновые колебания), а значит, не так уж бессмысленны рекомендации разговаривать с растениями, существующие во всех традиционных земледельческих культурах. Растения действительно узнают «плохих» и «хороших» с их точки зрения людей (звенки в этом случае говорят: «Лес радуется: свой человек пришел»), а также чувствуют людей (широко известен обычай «просить прощения» у срубаемого дерева).

Вывод из этой схемы неожидан для современного мышления: если горы, реки, растения, животные были сотворены раньше, то человек — не венец творения, а лишь младший брат тем, кто

пришел в этот мир до него, со всеми вытекающими из этого старшинства последствиями (уважение, подчинение и т. п.). Анимизм отводил человеку то место, которое он реально занимает в эволюции, определяя и ответственность за ущерб, который тот в состоянии нанести природе. Самые простые запреты (не убивать больше чем надо, не издеваться над раненым животным и т. п.) — это лишь часть общей концепции, в соответствии с которой нарушение человеком установленных законов вызывает необратимые последствия: «Природа мстит тем, кто ее убивает».

Наше знание не абсолютно: существует вероятность, что взгляды, не подтвержденные современными научными данными, могут быть в будущем признаны истинными. Поэтому не имеет большого смысла констатация того, что именно было верно, а что ложно в традиционных картинах мира, главное, что они отвечали жизненным потребностям конкретных этносов, т. е. были в своих основных характеристиках вполне адекватны действительности, отражая определенный момент познания.

Именно потому, что невозможно создать мировоззренческую систему, раз и навсегда ответившую на все вопросы, представляется особо важной способность мифопоэтических мировоззренческих систем к саморазвитию, открытость новым идеям, заложенная в них возможность реагировать на новые исторические или природные реалии. Например, само устройство Вселенной у эвенков давало возможность для выдвижения гипотез: их мир — то одна, то три полусферы, расположенные одна под другой, полярная звезда — отверстие в Верхний мир; изображенная во всех трех полусферах, она открывала путь к бесчисленному умножению количества миров. Эти противоречия и были залогом саморазвития системы, поскольку они не только ставили вопросы, но и давали возможность поиска нестандартных ответов.

* * *

Замечали ли вы некий парадокс времени: чем дальше мы удаляемся от минувшего, тем ближе оно нам становится?

Г. Волков

Как Антей обновлял свои силы соприкосновением с матерью-землей, точно так же и всякий новый расцвет и возрастание науки и просвещения возникает путем обращения к древности.

Ф. Гегель

Что было, то и будет; и что делалось, что и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас...

Экклезиаст (9, 10)

Как только мы перестали «ходить в прошлое», у нас не стало будущего.

Из беседы с эвенкийским шаманом

Присваивающий тип ведения хозяйства, к которому за минимальными исключениями относились народы Сибири, характеризовался прежде всего тем, что он был основан на потреблении природных ресурсов, в восстановлении которых человек не мог участвовать сколько-нибудь решающим образом. От правильного соотношения меры потребления и скорости восстановления ресурсов зависела в конечном счете судьба конкретной этнической группы. Отсюда проистекали многочисленные и достаточно действенные системы мер по регулированию этих отношений, а также стремление к максимально рациональному использованию тех ресурсов, на потреблении которых было основано существование данного общества (например, в сибирском регионе существует около 70 вариантов использования березы).

Земледельческие культуры, а еще в гораздо большей степени городские европейские цивилизации (за исключением, пожалуй, лишь греческой) были основаны на восприятии природы не как союзника и источника благосостояния, а как потенциального противника, в борьбе с которым необходимо было получить «добычу» («битвы за урожай»). Если у охотников, рыболовов, собирателей существовала возможность маневра (смена места промысла, многообразие потребляемых продуктов), то у земледельцев такой возможности не было. Но при этом их деятельность действительно была основана на расширенном производстве потребляемого продукта (потреблением невозполняемых ресурсов — руд металлов и т. п. в данном случае можно пренебречь). Истребление лесов, изменение ландшафтов, несомненно, имели место, однако здесь сдерживающим был климатический фактор, и, например, сибирская тайга или амазонская сельва были «вне опасности».

Парадокс современного момента заключается в том, что при переходе к индустриальному этапу развития человечество оказалось в тех же отношениях с природой, что и его прародители на

заре существования. Наша современная культура основана на потреблении огромного количества ресурсов, прежде всего энергетических, на восстановление которых общество никак не может повлиять. Новизна заключается во вселенских масштабах этих отношений. Темпы использования источников жизнедеятельности человека — воздуха, озонового слоя Земли, нефтяных и газовых месторождений и т. п. — значительно превышают скорость их самовосстановления. Однако мировоззренческие системы современного общества остаются прежними, отсюда так называемое «хищническое» отношение к природным богатствам и огромное количество других не менее серьезных проблем.

Уже не парадокс, а трагизм данного этапа развития в том, что противоречие между присваиваемым типом современной цивилизации и амбициями «преобразователя природы» ведет к вполне реально ощущаемой катастрофе, которая, начавшись как экологическая, может иметь самые мрачные последствия. Между тем остается невостребованным тот накопленный колоссальный багаж знаний, то эмпирическое наследие, которое было создано этносами, освоившими неиспользуемые сейчас (или используемые только как источник подземных ресурсов) территории. В тайге, тундре, полупустынях и пустынях народы не просто выживали, а жили, вполне комфортно со своей точки зрения, находя там все необходимое для своего существования.

Не исключено, что в ближайшие годы будут открыты более перспективные и щадящие источники энергии, разработаны «химические» продукты питания, будет решена проблема утилизации многочисленных синтетических отходов, и угроза катастрофы исчезнет. В этом направлении, судя по всему, и ведется большинство исследований. В то же время современность все более остро сталкивается с тремя серьезнейшими проблемами: нехватка продуктов питания, их «вредность» («искусственная» курятина, генетически «неправильные» овощи и т. п.) и необходимость утилизации химически произведенных материалов (пластмассы и т. д.), дешевых, удобных в использовании, но которые потом очень трудно уничтожить, не загрязняя окружающую среду. Поэтому не менее перспективным может оказаться и иной путь научно-технического поиска: тщательный анализ уже имеющегося банка данных, «перевод» его с языка мифопоэтических образов на язык специальных дисциплин; фиксация этой информации, ее оценка и возможное внедрение. Долгое время развитие науки шло по пути поиска искусственных заменителей природным материалам. Но не исключен и обратный вариант: поиск природных заменителей искусственным материалам, которые, во-первых, легче утилизировать; во-вторых, они «здоровее». При их разработке и производстве возможно создание рабочих мест для населения труднодоступных мест нашей планеты; производство «зеленых легких», так как эти природные материалы будут иметь самостоятельную ценность как источник кислорода; «производство» на одном участке сразу нескольких «материалов»; использование пустующих земель; максимально полное привлечение потенциала планеты.

Наконец, актуальность всего вышесказанного усиливается самим моментом, который переживает Россия. Колоссальные знания, заложенные в народном опыте освоения всего сибирского региона, будучи востребованы должным образом, могут во многом помочь решить прежде всего экономические проблемы. В годы Великой Отечественной войны привлечение народных лекарственных средств помогало решить проблему нехватки медикаментов. Сибирский лук (колба) — идеальное противогинготное и противотуберкулезное средство; черемуховые пироги, которыми славилась Сибирь, намного полезнее, чем привозные кексы и т. д. Существует аргументированное мнение, что для населения региона необходима пища, изготовленная из местного сырья, так как именно она наилучшим образом повышает иммунитет человека.

Этноботаника — наиболее разработанная на настоящий момент отрасль «этнознаний», хотя за рубежом она понимается чрезвычайно широко, как вся система знаний о растениях, произрастающих в различных природно-климатических зонах, немногим отличаясь от обычной ботаники. В системе Интернет насчитывается около 3000 англоязычных сайтов по этой теме, в то время как на русском языке — лишь 30, из которых ни один в действительности не соответствует своему названию. В нашем распоряжении имеется материал (около 500 страниц текста) по народам Сибири, где делается попытка ввести в научный оборот данные почти по 400 видам растений. По каждому виду приведены: латинское, русское, национальные названия растения; ботаническое описание; фольклорные материалы (сказки, былички и т. п.); в ряде случаев изображения; лекарственные и пищевые свойства. Составленная сводка охватывает широкий круг народов, включая русское население из различных областей Сибири (в том числе старообрядцев), алтайцев, бурят, манси, ненцев, селькупов, татар (различные группы), телеутов, тувинцев, чукчей, хакасов, хантов, шорцев, чулымцев, эвенков, якутов, приамурские народы, народы Сахалина и др. Однако это уже не этнография, и это еще не ботаника. Печально, но факт: при всей актуальности комплексных исследований они остаются практически невостребованными.

Восток не имел науки; он жил фантазией и никогда не устанавливался настолько, чтобы привести в ясность свою мысль, тем менее развить ее наукообразно: он так расплывался в бесконечную ширь, что не мог дойти до какого-нибудь самоопределения. Восток блесит ярко, особенно издали, но человек тонет и пропадает в этом блеске.

А. И. Герцен

Китай не вышел за пределы первобытного мышления, но китайская культура довела его до совершенства...

Восточная медицина базируется на мудрости, европейская — медицина науки. Людей различных типов надо лечить по-разному. У восточного врача 90 % образования — это культура. У европейского — научный взгляд, но нет психологии человека: сделать операцию или починить машину — примерно одно. Европейское мышление — я субъект и анализирую объект. Восточное мышление — я субъект сливаюсь с объектом.

Б. Р. Шварцвальд

Европейская научная система основана прежде всего на античной традиции, которая, несомненно, включала в себя в свое время и ближневосточные достижения. Однако с появлением христианства с его господствующей идеей освященного авторитета остальные системы как бы перестают существовать. Еврейская традиция в философии, алхимии и астрологии, арабская — в медицине и навигации — это почти все, что сколько-нибудь принималось в расчет. Эпоха Просвещения умилилась чистоте нравов коренных народов Америки, создав образ «благородного дикаря», но не смогла снизить до того, чтобы изучать их культурный опыт с точки зрения естественных наук. Некоторое исключение делалось по отношению к Индии, дальневосточным цивилизациям и арабскому миру. Цивилизации Африки и Америки были уничтожены; сибирскими, австралийскими и многими другими культурами просто пренебрегли.

Европокультуроцентристский взгляд на мир, присущий (несмотря на лингвистическую «неувязку») прежде всего США, задающим планку развития общества в современном мире, почти полностью игнорирует опыт других цивилизаций. Эта иллюзия культурного превосходства вызвана успехами в промышленном развитии и, как следствие, ростом уровня жизни. Европейская схема развития науки и общества действительно дала самый ощутимый результат в области развития индустрии, но единственный ли это показатель, по которому нужно оценивать результативность научной деятельности и продуктивность самой системы. По-видимому, все же главным критерием должна быть способность этой системы к воспроизведению самой себя и дальнейшему развитию. Американо-европейский вариант основан прежде всего на потреблении ресурсов из так называемых стран «третьего мира», что совершенно не меняет картины в планетарном масштабе: потребляются невозобновимые ресурсы. Осознание этого драматического момента должно обратить внимание на эмпирическое наследие традиционных обществ. Это наследие может иметь ценность как минимум по двум позициям: 1) с точки зрения истории науки (обычно рассматриваются только математические системы, зачатки медицины, палеоастрономия, и то в чрезвычайно сжатом виде и преимущественно по отношению к древнейшим цивилизациям); 2) в чисто практических целях: внедрение в современную практику накопленного опыта природопользования.

Европоцентризм как явление вызван и системой образования, и культурными приоритетами, и, что немаловажно, элементарным незнанием иных культурных ценностей. Современная наука, особенно связанная с промышленным производством, практически не берет в расчет многочисленные, изучаемые только гуманитариями или представителями не совсем «здравомыслящих» отраслей знания (астрологами, эсхатологами, парапсихологами и т. п.) системы мировоззрения ранних обществ. Европейские научные школы, основанные на четкой систематизации, а в последнее время сконцентрированные на создании все более тонких приборов и технологий, далеко не единственно возможный путь развития науки. В качестве аналогии можно привести пример с открытием феномена перспективы. Этот критерий «зрелости» живописи был известен только в культурах, развивающихся под влиянием греко-римской цивилизации, весь остальной мир ее не знал. Но, в таком случае, может ее нужно считать не нормой, а исключением?

Вопрос, относить ли информацию, передаваемую в традиционных мировоззренческих системах, к сфере науки (за исключением, естественно, самой этнографии или религиоведения), конечно, неоднозначен. Однако если считать науку инструментом познания окружающей действительности, который позволяет решать задачи, стоящие перед человечеством на конкретной стадии развития, то тогда мифологические системы — это тоже наука, но наука своего времени и уровня развития. Многообразные мифологические мировоззренческие системы — это существование многочисленных зародышей оригинальных натурфилософских концепций, которые изучаются в лучшем случае лишь этнологами.

Знание зарождается гораздо раньше, чем попытка его объяснения. Животные тоже обладают знанием, и оно вполне объективно. Более того, это знание получено при помощи органов чувств,

которые во многом отличаются от человеческих, а по некоторым параметрам даже превосходят их. Но если учесть, что в традиционных обществах абсолютен авторитет «предков», и знание поступает от них, существует полуфантастическая возможность доступа к информации, зафиксированной опять же в мифопоэтической форме и полученной в весьма отдаленные времена. Самые простые примеры — сведения о мамонтах (даже если считать, что они исчезли «всего» несколько тысяч лет назад), о таинственных существах в джунглях Африки и т. п., более спорные — об особых свойствах деревьев, камней, отдельных мест и т. д. Но ведь не так уж парадоксальна мысль, что человек и сам — тончайший инструмент для познания окружающего мира, в то же время европейское здравомыслие не доверяет его ощущениям, снам и прочей «мистике». Традиционные общества уделяли этому варианту познания вполне равноправное, если не более важное, внимание. Если принять всего лишь как гипотезу, пока, конечно, не доказанную, но никем до конца и не опровергнутую, что интуиция имеет под собой какую-то вполне материально воплощенную основу (обозначаемую как «информационное поле» и другими терминами), то европейская наука пока не в состоянии работать с этим материалом, в то время как традиционные мировоззрения веками исследовали именно это направление. Можно говорить о том, что осина — плохое дерево, потому что на нем повесился Иуда, можно рассуждать о плохой энергетике этой породы деревьев, но никуда не уйти от факта, что осинники — далеко не самые здоровые места в лесу, чем бы это ни было вызвано.

Еще один парадокс заключается в том, что само понятие иррационального — это порождение цивилизации. С точки зрения традиционного мировосприятия в природе не было ничего сверхъестественного, если понимать под этим нечто, не поддающееся объяснению с позиций имеющихся знаний. Всякое явление было естественным, поскольку укладывалось в существующую картину мира. Уровень критичности при осмыслении природных явлений был не ниже, а, пожалуй, даже несколько выше, чем у современного европейски образованного человека, поскольку опирался на лучшее знание объекта исследования. Например, австралийцы знали более 600 видов полезных растений, в одном из их языков было около 300 названий для оттенков зеленого цвета, соответствовавших оттенкам различных листьев и т. д. Главное отличие заключалось не в объеме информации, а в исходной позиции.

При кризисе идей в современной теоретической физике традиционные системы космогонии и космологии — источник новых гипотез. Те логические парадоксы, которые сплошь и рядом встречаются в космогонических системах (совпадение прошлого и будущего, равенство низа и севера, верха и юга и т. п.), могут свидетельствовать не столько об отсутствии логики, сколько о существовании иных логических систем. Геометрии Лобачевского тоже не существует в природе, ее можно лишь вообразить, но именно это и придает ей особую гениальность. Давний камень преткновения всех исследователей шаманизма — сочетание вертикальной и горизонтальной системы членения мира — можно расценивать не как «недоработку» логики носителей мифопоэтического мышления, а как прообраз идеи кривизны пространства. Традиционные системы полны описанием такого явления, известного всем любителям научной фантастики, как контрамоция (встречное движение времени): в мире мертвых человек живет «наоборот». Идея относительности времени (в отличие от гипотезы А. Эйнштейна, где это явление зависит от скорости движения объекта) представлена даже в двух вариантах: 1) время человеческое отличается от времени божественного; 2) при перемещении объекта из трехмерного пространства в двухмерное (из нашего мира в мир духов) меняется скорость его старения. Идея множественности обитаемых миров известна не только в индуистской мифологии, но и, в частности, в эвенкийском шаманизме. Безусловно, речь не идет о каких-либо «космических откровениях» творцов этих идей или их особой гениальности. Однако никуда не уйти от того факта, что «греческое чудо» оказалось несовместимым с логикой Аристотеля; отделение науки от мифологии имело и свои плюсы, и свои минусы.

* * *

Много лет размышлял я над жизнью земной,
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно:
Вот последняя тайна, открытая мной.

Омар Хайям

Какие-то выводы и соображения можно делать, только если освободиться из плена знаний.

Б. Р. Шварцвальд

Как ни прискорбно, но задача оценки традиционных знаний с точки зрения современных естественных наук в отечественной историографии до сих пор не ставилась. За рубежом в рамках культурной антропологии существуют такие самостоятельные отрасли, как этноботаника, этнозоология, этноастрономия и т. д., причем работают в этих направлениях не этнологи, а специалисты естественнонаучных дисциплин. В числе таких перспективных направлений, кроме перечисленных

выше, можно назвать этнопедагогику, метеорологию, этногеометрию (включая метрологию, «человек — мера всего»), традиционные системы космогонии и космологии, традиционное природопользование и, наконец, теоретическую физику.

Хотя здесь вновь наблюдается возврат к членению мировоззренческого целого на составляющие, и подход специалиста-ботаника к исследованию этноботанического материала всегда будет отличаться от этнографического, тем не менее это явный шаг вперед. В во всех отношениях показательных англо-язычных базах данных (японской по африканским растениям «Aflora», американской по индейцам Северной Америки, базе данных по флоре Амазонки) отсутствуют описания конкретных способов применения растений (лишь в одной базе есть иллюстрации), не используются национальные рисунки, не приводятся мифы, связанные с этими растениями, не указывается конкретное место сбора информации и т. п. И это показывает, что при всем отставании у отечественной этнологии есть преимущество: возможность оценить «со стороны» чужой опыт и пойти более рациональным и более продуктивным путем. Тем более, было бы глубоким заблуждением считать, что исследователям пришлось бы начинать «с нуля». Например, термин «этноботаника» в русской литературе употребляется крайне редко, однако пока на сибирской территории работали ученые «старой школы», получавшие не только университетское, но и универсальное образование, и этнографическая, и ботаническая литература вплоть до 30-х гг. XX в. была полна соответствующей информацией. Невозможно отрицать и достижений фармацевтов, создающих препараты на основе традиционных рекомендаций. Однако налицо серьезный методический просчет в попытках верификации народных наблюдений во всех сферах (метеорологических примет, медицинских рецептов и т. п.). Эти наблюдения оцениваются вне связи с местом, в котором они были первоначально зафиксированы, хотя совершенно ясно, что одна и та же примета не может действовать, например, в южной и северной России. В многочисленных справочниках по народной медицине за основу в определении растения берется его ботаническое название, хотя одним и тем же термином в разных областях Сибири могли называть совершенно разные травы.

Но, возможно, главная ценность, заключенная в традиционных знаниях, — это сам подход к природе, как к живому целому, который особенно важен в педагогике. Известно, что дети в своем психическом развитии проходят путь от мифопоэтического мышления к логическому, и в школах их учат именно на языке логики. Написано множество работ «о роли творчества в обучении и развитии личности», однако большинство этих работ останется лишь продуктами творчества их авторов, так как с трудом внедряемы на практике. В то же время сказки о животных, об окружающем мире, которыми так богат фольклор сибирских народов, игнорируются полностью. При всей нереальности их сюжетов в них нет ни одного фантастического фенологического наблюдения; животные в них — «старшие братья» людей; природа наказывает за зло и вознаграждает за добро; эпитеты растений и животных рассказывают об их свойствах и т. д. Например, «чемерица Лобеля» у эвенков называется «еда мертвецов». Это и есть мировоззренческая основа того самого экологического образования, о котором так много говорят в наши дни.

Совершенно очевидно, что этнографы на настоящий момент обладают колоссальным информационным богатством, и остается только надеяться, что оно все-таки будет, наконец, востребовано.

*Томск, Томский государственный
университет*